

Лев КАССИЛЬ

ГОРИЗОНТ ИЛИ БЛЮДЕЧКО?

БЫВАЕТ, что человеку, который бродит по просторному миру в тесной обуви, кажется, что и свет весь узок и жмет... И вместо того, чтобы сменить ботинки, он и к другим людям лезет со своими обуженными мерками и требует, чтобы все плелось с ним в ногу.

Вот, скажем, звучит по радио популярная, давно уже всем нам полюбившаяся песня «Я люблю тебя, жизнь». Все притихли, слушают. А человек в тесных сапогах начинает топотать ногами, словно ему наступили на любимую мозоль, и сам всем мозолит уши:

— Прекратите это безобразие! Пошлая, невероятная бессмыслица! И что смотрят соответствующие органы! И что думают композиторы, которые пишут музыку на эти пошлые тексты!!

...«Ну, уж это, положим, неудачно присочинили, — скажет читатель. — Пример явно надуман. Уж взяли бы какую-нибудь другую песню, а не такую, что полюбилась всем — и тем, кто не так давно научился ходить по земле, и тем, кто прокладывает человечеству путь в космос»...

Да, пожалуй, расскажи мне кто-нибудь другой о таком человеке с сердито поджатыми губами и зажатыми ушами, я бы и сам не поверил. Но вот лежит передо мной письмо. Оно прислано в редакцию «Советской культуры» и предназначено для печати. Автор поставил даже сверху заголовок: «Пошлость». И в письме этом говорится:

«...соответствующим органам необходимо обратить особое внимание на тексты песен: пошлые, бессмысленные и вообще плохие тексты надо браковать или возвращать автору на переделку... Кстати, следует вспомнить невероятно бессмысленный текст песни «Я люблю тебя, жизнь» — автор текста Ваншенкин, музыка, если мне не изменяет память, Островского».

Заодно автор расправляется и с другой завоевавшей признание песней:

«В последнее время по радио часто исполняется новая песенка с отвратительными, невероятно пошлыми и циничными словами: «Я гляжу ей вслед, ничего в ней нет...».

В конце послания автор просит: «Письмо прошу подписать — И. Смолин».

Выполняем просьбу автора письма и прикрываем его подлинную фамилию предложенной им подписью. Но сразу заметим, что композитор Колмановский, известный нашим любителям музыки как автор песни «Я люблю тебя, жизнь» и многих других хороших песен, не уполномочивал, вероятно, никого прятать его фамилию за фамилией другого известного композитора — Островского.

Можно было бы, конечно, не ставить это особо в вину «И. Смолину». Ну спутал фамилию композитора с другой, что тут такого! Да, дело, конечно, не в фамилии. Огорчает безапелляционная грубость, уготованная автором письма для публичной расправы с хорошими, заслуженно завоевавшими популярность песнями. Миллионы людей радовались, что поэт Ваншенкин и композитор Колмановский создали доходчивое, искренне взволнованное, полное светлых раздумий произведение, помогающее ощутить мудрый ход и бесконечность жизни. Понравилась всем, быстро запомнилась и песня «Я гляжу ей вслед» — милая, бесхитростная, не претендующая на какую-то особую значительность, но веселая и трогательная в своей наивности, столь свойственной молодой любви.

А вот находится, как выяснилось, этаким суровый блюститель эфира, который требует запретить немедленно в радиопередачах эти симпатичные песни, не стесняя себя выражениями, обзывает эти произведения «пошлыми», «отвратительными», «циничными», «бессмысленными». Можно себе представить, как бы обиделся, как бы вознегодовал «И. Смолин», если бы я позволил себе в полемике с ним применить к нему столь же грубые выражения. Мы не прибегаяем в споре к подобного рода выражениям, не желая обижать автора письма. А вот сам он огулом, не давая себе труда вслушаться или вздуматься, клеймит поэтов и композиторов, создавших не понравившиеся ему песни. И позволяет себе упрекать авторов песен в невероятной пошлости, цинизме, бессмыслице и прочих смертных грехах. Может ли это вызвать сочувствие у любого, кому по-настоящему дороги музыка, искусство!

СЕЙЧАС, после всем известных бесед на Ленинских горах и в Кремле, вопросы искусства стали, как никогда, предметом горячих, страстных обсуждений во всех уголках нашей страны. Как никогда, поднялись требования к искусству, от которого народ ждет духовной поддержки, чистых, искренних радостей, слов, мелодий, красок, мыслей, чувств, вдохновляющих наших людей в их труде и жизни.

Естественно, что беспощадно осуждаются произведения мелкотравчатые, формалистические, крикливые, пошлые, чуждые настроениям народа.

Но нам чуждо ханжество, и мы отвергаем попытки опорочить те произведения искусства, которые стали дороги миллионам людей, доставили и продолжают приносить им высокую радость, подлинное удовольствие. А встречаются еще у нас люди, которые, будучи сами лишены верного художественного вкуса, пытаются очернить все, что не пришлось им «по нраву» в просторном и сложном мире искусства. Эти люди часто не видят дальше краев своего чайного блюдечка, на которое они к тому же опасливо дуют, чтобы остудить все, что, как им кажется, превышает дозволенный градус. Но каемка на чайном блюдечке — это еще не линия широкого горизонта, свойственного настоящему искусству, и не та орбита, на которую поднялась и вышла общая художественная культура нашего народа.

Такие люди, как правило, лишены не только музыкального слуха, но и обыкновенного здорового юмора. И вот автор уже другого письма — В. П. шлет в редакцию свой полный негодования протест против смешной, откровенно юмористической картинки в «Учительской газете». Ему показалось оскорбительным, что на шуточном рисунке изображен в качестве Нового года уморительный малыш в большой шапке-треухе, в огромных варежках, с комично оттопыренным пухом. Как это, в самом деле, в газете, да еще в «Учительской», вместо стройного, атлетически сложенного молодца, каким, по мнению В. П., только и может выглядеть Новый год, нарисован «какой-то дурацкий неряха, со свалившимися брюками под живот»... «Неужели юный Новый год, — возмущается автор послания, — не мог быть стройно подтянутым, бодро-веселым!».

Заодно автор письма обрушивает свой гнев и на «Пионерскую правду», в которой, по его мнению, ребята уже круглый год изображаются недостаточными красивыми. И на детские книги, где внешность героев никак не соответствует эстетическим требованиям товарища В. П. Его, например, очень возмущает, почему это у некоторых девочек, фигурирующих в детских книгах, страшно сказать... веснушки на носу! Веснушки В. П. считает вообще не типичными для нашего времени.

ДА ЧТО ТАМ веснушки! Вот товарищ Ф. в своем письме, присланном в редакцию, не может примириться с тем, что и в наших советских кинофильмах «злоупотребляют куревом, папиросами»... Причем позволяют себе дымить даже положительные герои. «Мне кажется, — пишет товарищ Ф., — в кино можно обойтись и без этого, за исключением, когда играют отрицательных героев».

Курить, конечно, вредно. Никто тут спорить с товарищем Ф. не будет. Но ведь художественный кинофильм, как и всякое другое произведение искусства, не может превращаться в свод правил хорошего тона или в универсальный справочник по вопросам санитарии, гигиены и образцового поведения. Понимаю, что говорю как будто о всем известных азбучных истинах. Но приходится напоминать о них. Сейчас, когда разговор об искусстве идет по большому счету, нельзя мириться с теми, кто щелкает на костяшках мелких придирок, пытаясь навязывать художнику свои ложные требования.

Беда еще, что чем уже у человека взгляды на искусство, тем размашистее выводы и оценки, с плеча выдаваемые тем или иным произведением искусства. И я говорю обо всем этом сегодня еще раз потому, что подобные невежественные и обуженные оценки приносят немало вреда. Об этом следует помнить и особенно, когда речь идет о воспитании хорошего художественного вкуса у молодежи.